

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-241-254

© А. Г. Бобров

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА

Интерес к знаменитому древнерусскому писателю и путешественнику Афанасию Никитину и его запискам о путешествии в Индию не раз переживал периоды подъемов и спадов. Первый всплеск внимания к «Хожению за три моря» относится к началу XIX века, когда сочинение было открыто Н. М. Карамзиным в рукописном собрании Троице-Сергиева монастыря¹ и вскоре впервые полностью опубликовано в составе летописи П. М. Строевым.²

Необычайную популярность «Хожение за три моря» начало приобретать в период после получения Индией независимости 15 августа 1947 года и установления в том же году дипломатических отношений между нашими странами. Уже в 1948 году выходит в свет первое академическое издание «Хожения Афанасия Никитина»,³ причем именно этим изданием открылась серия «Литературные памятники». Д. С. Лихачев позже вспоминал, что работа над этой книгой «началась в 1948 году по случайному, казалось бы, поводу. В Советский Союз должен был приехать Джавахарлал Неру. Он был поклонником „Хожения за три моря“ русского купца Афанасия Никитина и пожелал иметь последнее издание этого произведения. Тогдашний президент Академии наук СССР

академик Сергей Иванович Вавилов решил издать „Хожение“ не в виде „роскошного“ тома со многими иллюстрациями, а строго научно, по всем правилам текстологии, в сопровождении комментариев историков, востоковедов и литературоведов. „Хожение за три моря“ было решено включить в состав новой серии. Как нельзя лучше оно соответствовало интернационалистским ее задачам: Афанасий Никитин являл собой редкий пример уважения к чужой стране и ее обычаям».⁴

В специальной статье, посвященной изданию в серии «Литературные памятники», Д. С. Лихачев писал: «С. И. Вавилову принадлежала идея издания первой книги вновь организованной серии — „Хожения за три моря“ Афанасия Никитина. Для осуществления этой идеи С. И. Вавилов обратился в 1947 году к академику Б. Д. Грекову, а уже последний привлек для издания члена-корреспондента АН СССР В. П. Адрианову-Перетц в качестве главного исполнителя задуманного издания. Так как сроки, поставленные С. И. Вавиловым для издания „Хожения“, были крайне сжатыми, а требования ответственными и сложными, Б. Д. Греков и В. П. Адрианова-Перетц обратились и к другим специалистам — востоковедам и археографам: И. П. Петрушевскому, Б. А. Романову, Н. С. Чаеву. Уже в следующем году „Хожение“ было издано со всей возможной в тогдашних условиях полнотой и тщательностью и тем положило начало новой серии, не имевшей аналогий ни в прошлом, ни вне пределов нашей страны. Книга включала древнерусский текст, перевод на современный русский язык; издание сопровождалось статьями, всесторонне исследующими памятник и характеризующими его с точки зрения разных специальностей, и с подробными комментариями».⁵

Дальнейшее развитие советско-индийского сотрудничества сдерживалось тем обстоятель-

¹ [Карамзин Н. М.]. История Государства Российского. СПб., 1817. Т. 6. С. 344–346 («Хожение за три моря»), 458–461 (прим. 629). Во втором издании 1819 года (с. 366–367, 138–142 (2-й паг.)) Н. М. Карамзин добавил информацию об Архивском списке «Хожения за три моря», обнаруженном П. М. Строевым (РГАДА. Ф. 181 (Собр. МГАМИД). № 371/821).

² Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год; издал Павел Строев: [В 2 ч.]. М., 1821. Ч. 2. С. 1425 по 1534 год. Текст «Хожения за три моря» (с. 145–164) опубликован по Архивскому списку.

³ Хожение за три моря Афанасия Никитина / Под ред. Б. Д. Грекова и В. П. Адриановой-Перетц; [тексты подг. к изд. К. Н. Сербиной; пер. Н. С. Чаева; статьи Б. Д. Грекова, В. П. Адриановой-Перетц, Б. А. Романова; археографический комм. К. Н. Сербиной; географический и исторический комм. И. П. Петрушевского]. М.; Л., 1948 (сер. «Литературные памятники»).

⁴ Лихачев Д. С. Вступительное слово на заседании редколлегии серии, обсуждающем проблемы издания «Литературных памятников» (Хождения в страны и века) // Иностранная литература. 1983. № 3. С. 189.

⁵ Лихачев Д. С. Задачи серии «Литературные памятники» // Русская литература. 1977. № 4. С. 103.

ством, что отношение к Махатме Ганди, Индийскому национальному конгрессу и Джавахарлалу Неру советского лидера И. В. Сталина было негативным (он рассматривал их в качестве союзников британского капитализма), и лишь после его смерти связи между двумя государствами значительно укрепились.⁶ В середине 1950-х годов в связи со взаимными визитами высших государственных руководителей Индии и России, общим потеплением советско-индийских отношений, развитием культурных и деловых контактов между странами фигура Афанасия Никитина приобрела особое значение. В 1955 году ему был поставлен памятник в Калинин (Твери), а в 1957–1958 годах вышел совместный советско-индийский фильм «Хождение за три моря».⁷ В 1958 году появилось и второе академическое издание сочинения Афанасия Никитина в серии «Литературные памятники».⁸

Новый подъем российско-индийских отношений относится к периоду «ранней перестройки» (1985–1988), когда вновь стороны обменялись визитами «на высшем уровне». Тогда же было опубликовано третье академическое издание «Хождения за три моря»⁹ и был проведен грандиозный, продолжавшийся два года Фестиваль советско-индийской дружбы (1987–1988 годы).

Научный и общественный интерес к «Хождению за три моря» и его автору заметно увеличился в самое последнее время, и тому есть ряд причин, как социально-политических, так и культурно-исторических. С одной стороны, этот интерес определяется общим «поворотом на Восток» российской политики, а с другой — судьбы многих соотечественников, по разным причинам оказавшихся в иноязычной и инокультурной среде, напоминают жизненный путь Афанасия Никитина.¹⁰

⁶ *Naik J. A. Russia's policy towards India: from Stalin to Yeltsin.* New Delhi, 1995. P. 27–60; *Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С.* История Индии. XX век. М., 2010. С. 618.

⁷ «Pardesi» («Stranger») — индийская версия (1957); «Хождение за три моря» — советская версия (1957/1958).

⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. / [Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц; подг. текста к изд., археографический обзор и текстологические прим. Я. С. Лурье; пер. Н. С. Чаева; статьи В. П. Адриановой-Перетц, Я. С. Лурье, М. К. Кудрявцева; географический и исторический комм. И. П. Петрушевского]. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Л., 1958 (сер. «Литературные памятники»).

⁹ Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подг. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов; [отв. ред. Я. С. Лурье; тексты подг. М. Д. Каган-Тарковская; пер. А. Д. Желтякова и Л. С. Семенова; статья, археографический обзор и текстологический комм. Я. С. Лурье; хронологический комм. Л. С. Семенова]. Л., 1986 (сер. «Литературные памятники»).

¹⁰ Мысли и переживания наших современников созвучны словам Афанасия Никитина:

О возросшем в последние годы интересе к «Хождению за три моря» и его автору свидетельствуют московские выставки 2023 года «Невероятная Индия. Взгляд из России» (Государственный музей-заповедник «Царицыно») и «За три моря. Странствия Афанасия Никитина» (Государственный музей Востока). По материалам первой из упомянутых выставок был опубликован прекрасно иллюстрированный альбом.¹¹ Появились в самые последние годы (2022–2023 годы) и несколько научных и научно-популярных работ, посвященных «Хождению за три моря», в том числе две монографии и ряд статей. Они заслуживают самого пристального рассмотрения.

* * *

Невозможно обойти вниманием монографию В. А. Толстова «Афанасий Никитин», увидевшую свет в серии биографий «Жизнь замечательных людей» (далее — ЖЗЛ).¹² В первую очередь, надо приветствовать сам факт появления биографии Афанасия Никитина в почтенной серии, основанной в 1890 году и возобновленной в 1933-м. Удивительно, что до сих пор среди двух тысяч томов, вышедших в этой серии, не было книги, посвященной знаменитому древнерусскому писателю и путешественнику. Тверской житель В. А. Толстов, уже имеющий опыт работы над книгами для серии ЖЗЛ, подошел к написанию биографии Афанасия скорее не как исследователь, а как журналист и экскурсовод, но анализ его книги позволит обратиться к дискуссионным и нерешенным вопросам научного изучения биографии путешественника и самого «Хождения за три моря».

Из 247 страниц текста монографии В. А. Толстова собственно странствию Афанасия Никитина посвящено всего около 30 страниц (глава 7 «Афанасий и „Хождение“»; с. 192–226), остальное повествование обращается «вокруг Твери» и «вокруг Афанасия Никитина»: в связи со съемками и выходом на экраны фильма «Хождение за три моря» (1957–1958) и церемониями открытия памятников Афанасию в СССР (1955) и в Индии (2001) детально изложены биографии всех причастных к этим событиям персонажей, рассказана история Твери XVIII–XIX веков (потому что в Твери останавливался Н. М. Карамзин и читал главы своей

«Русскую землю Бог да сохранит! Боже, храни ее! Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей. Но почему князья земли Русской не живут друг с другом как братья! Пусть устоится Русская земля, а то мало в ней справедливости» (Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 53; пер. А. Д. Желтякова и Л. С. Семенова).

¹¹ Индия в культурном пространстве России. XV–XX века / Автор-сост. О. А. Соснина. М., 2023.

¹² *Толстов В. А.* Афанасий Никитин. М.: Молодая гвардия, 2023. 247 с., ил. (сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 1978).

«Истории...», хотя и не про Афанасия Никитина, и потому что он открыл «Хождение за три моря», хотя совсем в другом месте), довольно подробно повествуется о встречах и разговорах с экскурсоводами, краеведами и коллекционерами. Все это довольно любопытно, но может служить лишь добавлением, «гарниром» к основному сюжету книги. А вот с этим дело обстоит намного сложнее.

Пожалуй, самое подробное, аргументированное и существенное наблюдение в книге В. А. Толстова находится ближе к ее концу, в предпоследней седьмой главе. Это весьма интересное рассуждение о возможности смены религии Афанасием во время путешествия (с. 209–222), но оно в значительной степени заминтовано из статьи П. В. Алексеева,¹³ дважды упомянутой в тексте книги (с. 212, 218), но пропущенной в библиографии.

Строго говоря, автору нельзя предъявить претензии по использованию и аккуратности цитирования работ предшественников. Поскольку серия ЖЗЛ имеет научно-популярный характер, постольку текст книги в принципе не обязан иметь научный аппарат. Приведена только «Краткая библиография» в конце издания (с. 244–246), состоящая из 52 названий печатных источников и обобщенной ссылки на интернет-ресурсы. Хотя эта библиография и не претендует на полноту, в ней есть очевидные существенные пропуски (не указана классическая работа востоковеда И. П. Минаева,¹⁴ остались незамеченными некоторые важнейшие комментированные издания «Хождения за три моря»¹⁵ и т. д.).

Когда автор пытается рассуждать о предметах, в которых он профессионально несведущ, ошибки неизбежны. В книге В. А. Толстова таковых ошибочных и неточных утверждений обнаруживается великое множество. Полное перечисление их не представляется возможным, поэтому отметим лишь наиболее существенные.

Неверно, что «в 1980-е годы» были найдены и опубликованы записки путешествовавшего в 1465–1466 годах по Ближнему Востоку «гостя Василия» (с. 16). Автор путает дату первой публикации этого сочинения архимандритом Лео-

нидом в 1884 году¹⁶ и его переиздание Н. И. Прокофьевым через сто лет в книге 1984 года.¹⁷

В. А. Толстов вслед за Н. И. Прокофьевым отождествляет «гостя» (купца) Василия с великокняжеским дьяком Василием Мамыревым, что является ошибочным хотя бы потому, что во время путешествия гостя Василия по Ближнему Востоку будущий дьяк Василий находился на Руси, переписывал книги и оставлял в них точно датированные записи.¹⁸

Как показал Я. С. Лурье, Василий Мамырев не был дьяком Посольского приказа (который еще не существовал) и не ездил на Ближний Восток, а представления о его причастности к внешнеполитическим делам вызваны ошибочным смещением двух братьев (Василия и Даниила Мамыревых).¹⁹

Обычно В. А. Толстов не претендует на собственный вклад в науку, поддерживая или критикуя точки зрения предшественников «из общих соображений», однако в одном случае он полагает, что нашел нечто новое: «Исследователи до сих пор не задумывались, как объяснить это совпадение — что „Хождение за три моря“ оказалось в Древлехранилище Троице-Сергиева монастыря, где их (sic! — А. Б.) и обнаружил Карамзин, и в том же монастыре окончил свои дни бывший дьяк Василий Мамырев» (с. 90–91). В. А. Толстов не знает, что гипотезу о принадлежности Троицкого списка Василию Мамыреву еще в 1969 году подробно обосновал В. А. Кучкин,²⁰ а Я. С. Лурье высказал свои ответные сомнения, поскольку, по его

¹⁶ Хождение гостя Василья / Под ред. архим. Леонида // Православный палестинский сборник. СПб., 1884. Вып. 6 (Т. 2; вып. 3). С. 1–14.

¹⁷ Книга хожений: Записки русских путешественников XI–XV вв. / [Сост., подг. текстов, пер., вступ. статья и комм. Н. И. Прокофьева]. М., 1984. С. 169–177, 350–361, 417–420 (сер. «Сокровища древнерусской литературы»). См. также: *Белоброва О. А. Василий (гость) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Вторая половина XIV — XVI в. Ч. 1. А–К. С. 116–117.*

¹⁸ «Хождение» купца Василия началось и завершилось в старой столице Османской (Турецкой) державы городе Бурса (Бруса) и продолжалось с 10 сентября 1465-го по 4 мая 1466 года (Хождение гостя Василья / Под ред. архим. Леонида. С. П.). Практически в то же время (3 мая 1465-го и 1 мая 1466 года) Василий Мамырев занимался книгописанием на Руси (*Шибает М. А. Дьяк Василий Мамырев — московский книжник второй половины XV в. // Российское дворянство (XII — начало XX в.): Актуальные проблемы исторического исследования. СПб., 2008. С. 16, 17*), что делает отождествление гостя и дьяка невозможным.

¹⁹ *Лурье Я. С. Русский «чужеземец» в Индии XV века // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 65–66.*

²⁰ *Кучкин В. А. Судьба «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности (к 500-летию путешествия Афанасия*

¹³ *Алексеев П. В. Мусульманский код «Хождения за три моря» Афанасия Никитина // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15). С. 70–74.*

¹⁴ *Минаев И. П. Старая Индия. Заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина // Журнал Министерства народного просвещения. 1881. Ч. 215. Июль. Отд. 2. С. 165–241; Ч. 216. Июль. Отд. 2. С. 1–58 (отд. оттиск: СПб., 1881).*

¹⁵ Хождение за три моря Афанасия Никитина / [Подг. текста и комм. Л. А. Тимошиной; пер. С. Н. Кистерова]. Тверь, 2003; *Kempgen S. Afanasij Nikitin, Reise über drei Meere (Hożenie za tri morja, 1468–1474). Bamberg, 2020. Bd. I. Facsimiles — diplomatische Edition — Karten — Bibliographie (Bamberger interdisziplinäre Mittelalterstudien; 14), и др.*

мнению, «никаких признаков принадлежности Троицкой рукописи „Хожения“ В. Мамыреву нет».²¹ Наиболее подробные и аргументированные возражения против предположения о связи Троицкого списка «Хожения» с Василием Мамыревым сформулировал С. Н. Кистерев. Исследователь показал, что записки Афанасия могли быть доставлены Василию Мамыреву в рамках его служебной деятельности, связанной с великокняжеской Казной.²² Летописец, который в 1475 году «обретох» рукопись с «Хожением» (вероятно, в Казне), не тождествен Василию Мамыреву; «между моментом обретения текста Хожения и включением его в состав летописного повествования прошло какое-то время».²³

Представления В. А. Толстова о летописании весьма приблизительны. Например, он пишет, что «оригиналы (тетрадей Афанасия. — А. Б.) пылились несколько десятков лет в Посольском приказе» (тут у автора сбой в хронологии. — А. Б.), а в 1475 году «были внесены во II Софийскую летопись — то есть в официальную государственную хронику» (с. 90); ср. ошибочное рассуждение о летописях, из которого автор делает вывод, что издание П. М. Строева «до сих пор не потеряло своей актуальности» (с. 94). Понятно, что автор, хотя и ссылается в «Краткой библиографии» суммарно на все три академических издания в серии «Литературные памятники», все же он едва ли знаком с опубликованными в них работами Я. С. Лурье. В этих статьях исследователь показал, что «Хожение за три моря» было включено в летописание не великокняжеским дьяком, будь то Василий Мамырев или кто-то другой, а оказалось в составе свода 1480-х годов, протографа свода 1518 года, и он вовсе не был официальной московской летописью. «Совсем напротив, — отмечал Я. С. Лурье, — это был резко оппозиционный летописный свод, поддерживавший враждебных Ивану III деятелей, и в их числе умершего в 1489 г. митрополита Геронтия, и содержавший ряд неофициальных и негодных великокняжеской власти рассказов».²⁴

Ошибочно утверждение, с отсылкой к В. В. Похлебину, что «водку по оригинальному рецепту сделал в 1430 году монах Исидор из Чудова монастыря» (с. 97). В книге «История водки» на самом деле выдвигается совершенно иная гипотеза, неверно понятая В. А. Толстовым. В. В. Похлебкин полагает, что митрополит Киевский и всея Руси Исидор, грек по происхождению, вернувшись на Русь с Флорентийско-

го собора в 1441 году, привез с собой рецепт производства спирта и во время заточения в московском Чудовом монастыре организовал его производство. Исследователь говорит о своей гипотезе осторожно и предположительно: «Исидор, как чрезвычайно хитрый грек, мог создать экспериментальную винокурню в Чудовом монастыре и, не имея винограда или изюма или испорченного вина, вполне случайно мог использовать зерно, жито. Именно полученные спирта, о свойствах которого Исидор хорошо знал по своим более ранним поездкам в Италию в начале 30-х годов, могло облегчить ему усыпление стражи и бегство из монастыря».²⁵ Косвенные аргументы, привлеченные В. В. Похлебным, позволили ему обосновать свою гипотезу о том, что «винокурение в России могло зародиться и развиваться исключительно как монастырское производство; в условиях монастырских лабораторий, под прикрытием и покровительством церкви».²⁶ Невнимательное чтение В. А. Толстовым исследования Похлебкина или использование его результатов «на слух», с чужих слов, привело к путанице в дате (1430 год вместо 1441-го) и к курьезному превращению митрополита Киевского и всея Руси Исидора в другого Исидора, монаха Чудова монастыря. Интересно наблюдать, как одна ошибка автора ведет за собой другую. Перепутав митрополита с несуществующим монахом, автор далее рисует следующую живописную картину: «Исидор был арестован и заточен в Чудов монастырь (монахи которого, как мы уже знаем, к тому времени научились делать водку, что, возможно, скрашивало уныние иерарха)» (с. 119).

Какое-то удивительное непонимание автором книги разницы между печатными и рукописными книгами наблюдается в следующем пассаже, где повествуется о расцвете Твери в середине XV века: «И конечно же книги, первые печатные книги! <...> Скорость их распространения впечатляет. В 1455 году в Германии Иоанн Гутенберг выпустил первую печатную книгу <...>, а спустя всего 13 лет Афанасий Никитин горестно восклицает — „а со мной нет ничего, ни одной книги“» (с. 111). К сожалению, автор не понял, что путешественник говорил не о западноевропейских инкунабулах, а о своих древнерусских рукописях, и ошибочно считает, что Афанасий сетовал на отсутствие у него печатных книг, якобы уже поступавших в передовую Тверь.

Неверно, что «Хожение за три моря» «известно в трех списках» (с. 167). Произведение сохранилось до наших дней в семи списках, и еще один список, принадлежавший И. П. Сахарову, до нас не дошел.²⁷

Неверно утверждение, что на введенных князем Юрием Дмитриевичем монетах с изображением всадника, поражающего копьём

Никитина по Индии // Вопросы истории. М., 1969. № 5. С. 70–71.

²¹ Лурье Я. С. Археографический обзор // Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 120.

²² Кистерев С. Н. Афанасий Никитин и его «Хожение» на Руси // Хожение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 34–37.

²³ Там же. С. 38.

²⁴ Лурье Я. С. Русский «чужеземец» в Индии XV века. С. 65.

²⁵ Похлебкин В. В. История водки. М., 2005. С. 58.

²⁶ Там же.

²⁷ Лурье Я. С. Археографический обзор. С. 108–124.

змея, «под змеем подразумевался, понятное дело, его племянник», т. е. Василий II (с. 114). Это очень упрощенная и наивная трактовка символики сложного образа.

Неверно, что Русь после падения Константинополя в 1453 году оказалась «в окружении враждебных ей» язычников, мусульман, католиков и «люторов»-лютеран (с. 117), поскольку лютеранство отсчитывает свою историю только с 1517 года.

Неверно, что по дороге на Флорентийский собор митрополит Исидор «умудрился собрать дополнительные средства также в Новгороде» (с. 119). Напротив, Новгород изначально занял антиуниатскую позицию, и ни в коей мере не поддерживал и не финансировал Исидора.²⁸

Совершенно невероятно представление автора о том, что, разбив новгородцев под Старой Руссой в 1456 году, Василий Темный тем самым «перекрыл пути между Новгородом и Европой» (с. 122–123). Последствия сражения не могли прервать новгородско-европейскую торговлю, продолжавшуюся до закрытия Ганзейского двора в Новгороде (1494).

Неверно, что Васко да Гама «считался первым европейцем, добравшимся до Индии» (с. 91). Автор, кажется, ничего не слышал ни о западных путешественниках XIII–XIV веков,²⁹ ни о Никколо Конти, посетившем в 1420–1421 годах империю Виджаянагар.

Неверно, что в 1408 году в Твери скрывался от нашествия Едигея монахи Иосифо-Волоцкого монастыря (с. 96), который не существовал в то время, ему до основания оставалось еще 70 лет.

Некоторые ошибки автора относятся к вещам хрестоматийным, которые должен был заметить и исправить издательский редактор (В. В. Эрлихман).

Неверно, что «лихая слава о волжских разбойниках идет с XI века, когда под Нижним Новгородом объявились ушкуйники из Новгорода Великого» (с. 151). Нижний Новгород основан только в XIII веке, а новгородские ушкуйники известны с XIV века.

Неверно, что древнерусские города Муром и Ростов находятся на Волге (с. 151).

Ошибочно утверждение, что «первое значение слова „мыт“ — место стоянки судов» (с. 158).³⁰

²⁸ См. подробнее: *Бобров А. Г.* 1) Новгородско-псковские отношения и Флорентийская Уния // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 50. С. 359–373; 2) Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 194–214.

²⁹ После Марко Поло: Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий / Пер. с лат. и староит. языка, введение и прим. Я. М. Света. М., 1968 (сер. «Путешествия по странам Востока»).

³⁰ Основное значение древнерусского слова «мыт» («мыто») — «плата, вознаграждение, мзда», а также «пошлина за проезд и провоз товаров через установленные заставы», откуда

Екатерина Великая не могла отменить таможенные пошлины в 1753 году (с. 159), поскольку вошла на престол только в 1762 году.

Богиня Парвати была женой не Вишну, как считает автор (с. 185), а Шивы.

Перу Владимира Мономаха принадлежат не «поучения» во множественном числе (с. 188), а только одно Поучение.

Индийский город Гоа ни в древности, ни теперь не является островом, как думает автор (с. 191).

Непонятно, почему стихи самого яркого представителя русского литературного барокко Симеона Полоцкого автор называет «ученическими опытами» (с. 194).

Сигизмунд фон Герберштейн посетил Русь не в 1549 году, как пишет автор (с. 200), а в 1517 и 1526 годах. Понятно, откуда взялась ошибочная дата: в 1549 году была опубликована посвященная Московии итоговая книга Сигизмунда фон Герберштейна «*Regum Moscoviticarum Commentarii*».

Утверждение автора, что в Древней Руси после монгольского нашествия «светская литература не развивалась, пока не появился Афанасий Никитин» (с. 194), словно игнорирует существование в это время летописей и исторических повестей.

Авторское замечание «так, что ли?» несколько смягчает следующее его удивительное предположение: «Афанасий Никитин задолго до европейцев изобрел модернизм как литературное течение и психологическую прозу как жанр». Правда, в дальнейшем автор пишет, что «такой подход не выглядит убедительным» (с. 204), с чем следует полностью согласиться. Сам автор книги выдвинул безграмотную идею, сам же ее благополучно отверг.

Макарьевская ярмарка, по мнению автора, «прошумев шесть положенных недель в сентябре, как бы переезжала в Москву, где до конца месяца продолжался Макарьевский торг» (с. 177). Продолжительность сентября вызывает изумление.

Неверно, что в святцах находится только один святой с именем Афанасий, поэтому дата крещения будущего путешественника будто бы определяется только как 15 мая — день памяти Афанасия Александрийского (с. 234). В. А. Толстов вообще указал дату памяти святого по новому стилю, а в Древней Руси память Афанасия I Великого, епископа Александрийского, отмечалась дважды: 18 января (31 января по новому стилю) и 2 мая (15 мая по новому стилю). Кроме того, в православной церкви почитались ко времени рождения Афанасия Никитина также Афанасий Затворник (память 2 декабря), Афанасий I, патриарх Константинопольский (память 24 октября), Афанасий Афонский (память 5 июля), Афанасий Чудотворец (память 16 июня), Афанасий «из волхвов»

уже происходит вторичное значение «Место сбора пошлины за проезд и провоз товаров» (Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1982. Вып. 9 (М). С. 337).

(память 23 апреля), Афанасий-исповедник (память 7 марта) и др. Вариантов для определения дня, когда был крещен Афанасий Никитин, великое множество.

Неверно, что «сам маршрут Никитина изучен досконально» (с. 131). Как будет показано далее, существует целый ряд дискуссионных и нерешенных вопросов, связанных с определением маршрута путешествия Афанасия (кстати, называть его Никитиным без имени некорректно, так как это не фамилия, а отчество).

По поводу сроков путешествия В. А. Толстов пишет: «Афанасий вернулся на родину „спустя шесть или семь лет“ (с. 191). Неопределенность связана с тем, что «мы точно не знаем даже того, в какие именно годы состоялось его „хождение за три моря“» (с. 15). В. А. Толстов замечает: «Можно вычислить примерную датировку его путешествия — 1468–1474 годы». Здесь автор явно опирается на хронологию, предложенную Л. С. Семеновым. Далее он пишет: «...в других, более ранних исследованиях, высказывалось предположение, что путешествие тверского купца началось в 1466 году». Эту датировку предложил И. И. Срезневский, и она была общепринятой вплоть до работ Л. С. Семенова. Но тут автор неожиданно высказывает собственную точку зрения: «Нижний предел, правда, целесообразнее датировать 1467 годом, учитывая время пребывания Никитина в Азербайджане и Персии» (с. 15). Поскольку никаких других пояснений и аргументов в пользу своей датировки автор не привел, остается лишь догадываться, каким образом он вычислял и учитывал общее «время пребывания» путешественника в пути между Каспием и Индией (при том что текст «Хождения за три моря» не дает для этого четких хронологических указаний). В дальнейшем в разных местах своей книги автор датирует отъезд Афанасия в путешествие по-разному. Так, например, говоря об эпидемии 1467 года, автор замечает: «Возможно, Афанасий Никитин к тому времени уже отправился в путь» (с. 124). В другом месте автор, принимая непонятно чью точку зрения, пишет: «Если согласиться с тем, что путешествие Афанасия Никитина началось в 1467 году...» (с. 140). Еще в одном случае начало путешествия прямо отнесено к 1466 году (с. 159).

В. А. Толстов не случайно указывает в своей книге как на возможность начала путешествия Афанасия Никитина в 1467 году, так и на возможность отождествления города «Каина» с древнерусским Клином: «Каин — какая-то ошибка, возможно, сделанная переписчиком текста <...>. В любом случае, это было еще на Руси — быть может, в Клину, тогда принадлежавшем Тверскому княжеству, или в Калыжине. Если Афанасий отправился в путь в 1467 году, в Ормузе он оказался только в 1469-м» (с. 173–174). В этих строках автор книги без какой-либо отсылки к соответствующим работам исследователей передал свое знание, полученное

хотя бы из Интернета или «со слов» других людей, о новейших разысканиях в области датировки и маршрута странствия Афанасия Никитина (далее мы постараемся распутать этот хронологический клубок).

Можно было бы допустить, что автор книги вовсе не стремился к научной точности, что он создавал литературное произведение, к которому неприменимы требования логичности, достоверности и последовательности. Но и как произведение изящной словесности книга В. А. Толстова весьма уязвима для критики. Видимо, в качестве сознательного приема, направленного на привлечение широкого читателя, следует рассматривать регулярное использование автором вульгаризмов, канцеляризма и просторечий, иногда с использованием кавычек, а иногда и без оных: «рвануть с товарищами в загадочную Индию» (с. 60); «Юрий Галицкий решил „кинуть“ племянника» (с. 113); епископ Тверской Геннадий «„слил“ Москве своего сюзерена» (с. 124); «Тверь раздербанили образцово-показательно» (с. 130); Афанасий пытался «закосячить» под местного (с. 220) и «оторвался от коллектива» (с. 241); путешественник именуется «трепловым» (с. 229) и т. д. Думается, такого рода речевые обороты не прибавляют сочинению В. А. Толстова художественности, но являются потаканием дурному вкусу неразборчивых читателей. Напоследок оставлю без комментариев, но приведу как образец стиля и юмора автора следующий пассаж: «Афанасий Никитин оказался так себе купцом, никудышным бизнесменом. Но, как говорил по другому поводу наш президент, любим мы его не за это» (с. 191).

Таким образом, новая книга об Афанасии Никитине едва ли сможет удовлетворить взыскательного читателя. Написав много необходимого и ненужного, автор благополучно миновал самые важные нерешенные проблемы изучения жизни и творчества своего героя, по сути дела, уклонился от обсуждения вопросов о его биографии, о хронологии путешествия, о его маршруте, о рукописной традиции «Хождения» и др. Собранный В. А. Толстовым материал все же небесполезен: сведения даже не о самом путешественнике, но «вокруг него» будут использованы в энциклопедическом справочнике «Афанасий Никитин», который было бы полезно подготовить в будущем. Сама книга, несмотря на отмеченные серьезные ошибки и недочеты, может послужить распространению знаний о великом писателе, подтолкнуть читателей к более углубленному изучению его жизни и творчества.

* * *

На первый взгляд, совершенно иной, более академический характер имеет другая только что увидевшая свет книга, составленная и подготовленная к печати ведущим научным сотрудником Института российской истории РАН доктором исторических наук А. П. Богдано-

вым.³¹ В издательской аннотации книга представлена как «новое академическое издание», которое «обобщает все предшествующие научные издания» и вместе с тем «ликвидирует существенные недостатки старых публикаций». Составитель этого труда аттестует себя в качестве «профессионального археографа, специалиста по манускриптам» (не уточняя, что его основные научные работы посвящены истории и произведениям не XV, а XVII века).

Книга состоит из двух частей — самостоятельной, представляющей собой обширное предисловие под названием «Русский взгляд на мир: Жизнь и приключения Афанасия Никитина и его сочинения» (с. 5–84), и несамостоятельной — перепечатки работ предшественников (с. 87–414).

В основную по объему несамостоятельную часть книги вошли три перевода «Хождения за три моря» на современный русский язык Н. С. Чаева (1948), Н. И. Прокофьева (1980) и Л. С. Семенова (1982) с комментариями, а также воспроизведенное в практическом виде третье издание «Хождения за три моря» в серии «Литературные памятники» 1986 года (с. 185–414). Сокращенными оказались только указатели, в остальном издание было повторено почти полностью, в результате чего в составленную А. П. Богдановым книгу вошел еще и четвертый перевод «Хождения», подготовленный А. Д. Желтяковым и Л. С. Семеновым (1986). Если автор-составитель хотел собрать под одной обложкой все заслуживающие внимания переводы произведения на современный русский язык, то ему следовало привлечь и вариант С. Н. Кистерова, опубликованный в 2003 году.³² Впрочем, смысл повторной публикации многочисленных достаточно близких между собой переводов «Хождения за три моря» не очевиден и А. П. Богдановым не разъяснен. Также лишены практической научной пользы перепечатки изданий древнерусских редакций сочинения Афанасия Никитина. Составитель, к сожалению, не вычитал их заново по рукописям, поэтому читатель получил по сравнению с оригиналами публикаций лишь испорченные в процессе сканирования и распознавания тексты. Так, например, уже во первых строках «Хождения за три моря» по Сухановскому изводу автор сочинения именуется «Афонасей Никитинг», что произошло в результате неверного распознавания сноски «г», относящейся к этому чтению (с. 225).

Свои взгляды на «Хождение за три моря» и его автора А. П. Богданов сформулировал в научно-популярном предисловии, удивительным образом направленном против большинства

текстологических решений, принятых в воспроизведенном им издании 1986 года. Поначалу автор расточает утрированные хвалы в адрес предшественников: «замечательный филолог Н. И. Прокофьев» (с. 7), «великий текстолог Я. С. Лурье», «славный филолог Л. С. Семенов», «любимые коллеги-филологи из Пушкинского Дома» (с. 8), «замечательный археограф Ксения Николаевна Сербина» (с. 11), и т. д., и т. п. Наградив всех хвалебными эпитетами, далее автор переходит к выявлению некоего умысла Я. С. Лурье в помещении в издании 1986 года Летописной редакции (извода) на первое место, а Троицкой — на второе. Похвалы в адрес этого исследователя становятся все более саркастичными («...случилось чудо чудесное <...> вторичная редакция <...> волшебным образом сделала первой» — с. 13; «...в этом несколько запутавшийся в терминах Я. С. Лурье прав»; «...замечательный текстолог Я. С. Лурье и здесь не удержался от преувеличения» — с. 35, и др.) и инвективными («хотел бы окреститься Лурье», «Лурье сам впал в ересь» — с. 15). Более того, А. П. Богданов намекает на неслучайность представлений Я. С. Лурье о датировке и взаимоотношении редакций («Лурье было по какой-то причине крайне необходимо считать Троицкий список более поздним» — с. 14; он «не случайно описал (Троицкий. — А. Б.) сборник крайне кратко» — с. 13 и т. д.). «Анекдотическим случаем» (с. 16) и «нелепой ошибкой» (с. 51) А. П. Богданов называет использование при издании позднейшей редакции в качестве основного Сухановского списка, а не списка Ундольского.

А. П. Богданов забыл или не знает, что все предложенные им текстологические решения Я. С. Лурье уже осуществил ранее во втором издании «Хождения за три моря» в серии «Литературные памятники» 1958 года. На первом месте здесь опубликован Троицкий список, далее помещена летописная версия (Эттеров список), и, наконец, список Ундольского — всё, как считает правильным А. П. Богданов. Возникает вопрос: почему же он большую часть составленной им книги заполнил ошибочным, по его мнению, изданием 1986 года, а не соответствующим его представлениям изданием 1958 года? Видимо, тогда ему нечего было бы критиковать.

Совершенно напрасно А. П. Богданов называет Троицкую редакцию «авторской» (с. 12, 16–17) и противопоставляет ей Летописную редакцию как «вторичную». Обширный перечень первичных чтений Летописной редакции по сравнению с Троицкой был приведен Я. С. Лурье,³³ и ни одно из них не было оспорено А. П. Богдановым. Спор о том, печатать на первом или на втором месте ту или иную редакцию, является в данном случае бессмысленным и схоластическим, поскольку «ни редакцию, представленную Троицким списком, ни

³¹ Афанасий Никитин. Хождение за три моря / Сост. и предисловие А. П. Богданова. М.: Альянс матер, 2024. 415 с.

³² Кистерев С. Н. Перевод // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Тверь, 2003. С. 112–124.

³³ Лурье Я. С. Археографический обзор. С. 113–114.

летописную редакцию нельзя вывести одну из другой», «они независимо друг от друга восходят к единому протографу».³⁴

Я. С. Лурье решил в издании 1986 года поставить первой версию текста, сохранившуюся в составе летописных сводов, поскольку в ней (как, впрочем, и в Троицкой версии) обнаруживается значительное количество первоначальных чтений. Аналогичным образом, редакция XVII века уже издавалась в 1958 году самим же Я. С. Лурье по списку Ундольского, а в книге 1986 года в основу им был положен другой список, Сухановский, представляющий собой завершённый, заключительный этап редактирования текста. Таким образом, полемические стрелы, выпущенные А. П. Богдановым в адрес Я. С. Лурье и готовившей тексты для издания 1986 года М. Д. Каган-Тарковской, летят мимо цели. Достаточно рассматривать два издания в серии «Литературные памятники» 1958 и 1986 годов как своеобразный диптих, чтобы увидеть в совокупности опубликованными все важнейшие полные списки «Хождения за три моря».

Отсутствие специальных знаний в области истории литературы и книжности именно XV века приводит А. П. Богданова к многочисленным ошибкам и заблуждениям. Особенно приблизительны его представления в области истории летописания этого времени. Автор утверждает, что «согласно довольно запутанным наблюдениям летописцеводов» все необходимые ему известия «в итоге восходят, через промежуточные своды, к великокняжескому летописанию последней трети XV в., или имеют его в качестве источника», поэтому «мы смело можем суммировать эти сведения, сопоставляя летописные тексты как восходящие к одному достоверному источнику» (с. 25). В связи с такими своеобразными, можно сказать, архаичными «дошахматовскими» представлениями об истории летописания второй половины XV века автор выдвигает существование «великокняжеского летописного свода, переданного Львовской и Софийской II летописями» (с. 23). Лежащий в их основе свод 1480-х годов А. П. Богданов характеризует как «по-настоящему великий памятник русского летописания» (с. 11).

Соображения автора требуют уточнения. Поскольку именно в этом своде-протографе сохранился текст «Хождения за три моря», постольку вопрос о его происхождении имеет для нас немалое значение. Ранее этот свод рассматривался либо как митрополитский, созданный при митрополите Геронтии, умершем в 1489 году (А. Н. Насонов³⁵), либо как неофициальный, оппозиционный великокняжеской власти (Я. С. Лурье³⁶). Великокняжеским сводом его считать невозможно, так как в нем содержится крити-

ка и обличение действий Ивана III, но для А. П. Богданова все летописи восходят «к одному достоверному источнику», естественно, великокняжескому.

Укажем еще на ряд характерных ошибок составителя монографии. Софийскую I летопись по списку И. Н. Царского исследователь ошибочно именуется Софийской II летописью по списку И. Н. Царского (с. 23); не соответствует действительности утверждение, что труды Пахомия Логофета «дошли до нас лишь в составе великокняжеских сводов» (с ошибочной ссылкой на Б. М. Клосса) и т. д. Недостаточное знакомство А. П. Богданова с литературой вопроса проявилось в утверждении, что происхождение выписок из «Хождения за три моря» в составе Музейного списка (РГБ. Музейное собрание. № 3271. Л. 35; далее — Муз3271)³⁷ остается неизвестным (с. 14). На самом деле, помимо упомянутой в предисловии работы И. М. Кудрявцева 1962 года, данный сборник якобы «неведомого происхождения» (с. 42) впоследствии неоднократно был предметом специального рассмотрения в работах А. И. Плигузова, О. Л. Новиковой, А. Л. Грязнова и других исследователей.

А. И. Плигузов полагал, что этот сборник, содержащий, в частности, древнейший, хотя и весьма неполный список «Хождения за три моря» Афанасия Никитина,³⁸ был создан при кафедре пермского епископа Филофея,³⁹ бывшего игумена Кирилло-Белозерского монастыря, в него и вернувшегося после отставки в 1501 году.

Согласно О. Л. Новиковой, почерк, которым написана первая часть Музейного списка (Муз3271. Л. 1–65), включая выписки из «Хождения за три моря» (Муз3271. Л. 35), принадлежит «анонимному книжнику» из Кирилло-Белозерского монастыря, «попытка установить личность которого, несмотря на усилия

³⁷ См. об этой рукописи: Долгов С. О. Московский собор против жидовствующих по новооткрытым документам // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1902. Кн. 3. Отд. 2. С. 113–125; Седельников А. Д. Рассказ 1490 г. об инквизиции // Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии наук. Л., 1932. Т. 1. С. 33–57; Казакова Н. А. Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV–XVI века. М.; Л., 1955. С. 382–391; Кудрявцев И. М. Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания: Материалы к исследованию // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1962. Вып. 25. С. 220–288 (первой части рукописи на л. 1–65 посвящены с. 233–280); Музейное собрание рукописей. Описание. М., 1997. Т. 2. № 3006–4500 / Изд. подг. Т. А. Исаченко. С. 85–88.

³⁸ Текст по этой рукописи впервые опубликован: Зимин А. А. Новые списки «Хождения» Афанасия Никитина // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 437–439.

³⁹ Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонвилль, 1993. С. 113–115.

³⁴ Там же. С. 109.

³⁵ Насонов А. Н. Летописные памятники Тверского княжества // Известия АН СССР. Отд. гуманитарных наук. 1930. № 9. С. 715–721.

³⁶ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. С. 224–228.

специалистов, пока не увенчались успехом».⁴⁰ Состав сочинений, переписанных «анонимным книжником» из Кирилло-Белозерского монастыря, свидетельствует о его неординарной эрудиции и широком круге интересов. О. Л. Новикова так охарактеризовала книгописную деятельность кирилловского «анонима»: «Фигура загадочного книжника — осмелимся назвать его „книжником Икс“ — поистине восхищает». Исследовательница задается вопросом: «Кто же этот человек, имеющий доступ к документам митрополичьего архива, знакомый с материалами новгородского архиепископа Геннадия, а также памятниками, имеющими непосредственное отношение к Пермской земле и владыке Филофею <...>, знакомый с текстом Хожения Афанасия Никитина и одновременно входящий „в круг“ Ефросина Белозерского, а кроме того, использующий греческо-русский словарь и русско-татарский разговорник?»⁴¹ Следует согласиться с О. Л. Новиковой в том, что Книжник Икс принадлежал к братии Кирилло-Белозерского монастыря и что его кругозор и эрудиция являлись выдающимися для своего времени.

В статье 2019 года и последующих работах мною была предложена гипотеза о тождестве Книжника Икс и Вассиана Патрикеева.⁴² Для установления личности кирилловского книжника определяющее значение имеет переписанный им около 1502 года текст Родословия литовских князей (по списку РНБ. ОСРК. Q.XVII.57. Л. 226), опубликованный О. Л. Новиковой, но оставленный ею практически без комментария. В этом тексте упомянуты «Гедименов сын Наримонт, <...> Наримонтов сын Патрекии <...> Патрекъев сын Юрьи <...> князь Юрьев сын князь Иоанн Юрьевич».⁴³ Автор этого текста привел не общую родословную литовских князей, а свою прямую родословную, поскольку князья упомянуты в ней весьма выборочно.⁴⁴ Можно считать установлен-

мым фактом, что в идущей от Гедимины генеалогической линии князей автор выделил только одну ветвь, а именно своих прямых предков (Наримонт — Патрикий — Юрий — Иван). Упомянутые имена предков определенно показывают, что автором текста мог быть только Гедиминович, сын князя Ивана Юрьевича Патрикеева Василий, насильно постриженный в монахи, нареченный Вассианом и посланный в Кирилло-Белозерский монастырь в 1499 году. Установление авторства текста Родословия литовских князей позволяет выдвинуть гипотезу о том, что Книжником Икс, автором краткого Музейного списка «Хожения за три моря», являлся опальный князь-инок Вассиан Патрикеев.⁴⁵

В недавней статье О. Л. Новикова вновь обратилась к рукописям Книжника Икс.⁴⁶ Исследовательница обнаружила еще два листа, переписанных рукой этого писца (РНБ. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 116/121. Л. 394–395). На л. 13 об. — 14 об. этой рукописи находится вкладная запись в Кириллов монастырь некоего Никона (фотографии приведены на с. 10 статьи). Без какой-либо почерковедческой аргументации О. Л. Новикова утверждает, что эта запись «принадлежит Книжнику Икс». Таким образом, триумфально сообщает автор, «мы узнали, что анонимный книжник, личность которого на протяжении почти столетия беспокоила умы исследователей, носил имя Никон».⁴⁷ Однако для такого утверждения (и всех последующих рассуждений о личности этого Никона) нет ни малейших оснований, поскольку почерк вкладной записи не только не похож на почерк Книжника Икс, но не имеет с ним ничего общего. Возражая против гипотезы о тождестве этого книжника и Вассиана Патрикеева, а также против предложенного А. Л. Грязновым отождествления заказчика и куратора работы Книжника Икс с митрополитом дьяком конца XV — начала XVI века Левашом,⁴⁸ О. Л. Новикова, к сожалению, не смогла удержаться от оскорблений «некоторых исследователей», своих оппонентов, которыми, по ее мнению, «иной раз были забыты

⁴⁰ Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников в Кирилло-Белозерском монастыре на рубеже XV–XVI веков // Летописи и хроники. Новые исследования. 2011–2012. М.; СПб., 2012. С. 206.

⁴¹ Новикова О. Л. Сборник книжника рубежа XV–XVI веков с рассказами о Флорентийской унии и афонских монастырях: Опыт атрибуции // Каптеревские чтения. Сб. статей. М., 2011. [Вып.] 9. С. 10.

⁴² Бобров А. Г. Сказание о восточных странах и Кирилло-Белозерский монастырь // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2019. Т. 66. С. 114–119. См. также: Бобров А. Г. 1) Ефросин Белозерский в поисках Рая. СПб., 2023. С. 36–52; 2) Вассиан Патрикеев в Кирилло-Белозерском монастыре: факты и гипотезы // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2023. Т. 70. С. 129–148.

⁴³ Новикова О. Л. Из истории редактирования летописных памятников... С. 234.

⁴⁴ Из пяти сыновей Наримонта упомянут только четвертый, Патрикий. У Патрикия бы-

ло три сына, но назван только второй, Юрий. У Юрия было два сына, но назван только второй, Иван. См. о родословии Патрикеевых: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 29–35.

⁴⁵ См. подробнее: Бобров А. Г. Вассиан Патрикеев в Кирилло-Белозерском монастыре. С. 137–143.

⁴⁶ Новикова О. Л. Из истории русской книжности рубежа XV–XVI столетий: Рукописи епископа Никона // Вестник «Альянс-Архео». М.; СПб., 2023. Вып. 43. С. 3–27.

⁴⁷ Там же. С. 9.

⁴⁸ Грязнов А. Л. «А подписал дьяк Леваш»: Администратор и дипломат на службе русских митрополитов // Акротерий. Проблемы истории, искусствоведения, архитектуры и реставрации. Сборник статей в честь Александра Гавриловича Мельника. М., 2022. С. 38–62.

не только представления о научной добросовестности, но и элементарные навыки историковеда». ⁴⁹ На самом деле эти упреки могут и должны быть в полной мере обращены к самой О. Л. Новиковой, выдумавшей тождество абсолютно непохожих почерков и на этом основании делающей необоснованные выводы. Бездоказательную попытку отождествить Книжника Икс с автором вкладной записи неким Никоном можно объяснить только упорным нежеланием исследовательницы признать в кирилловском анониме сосланного в монастырь в 1499 году опального князя-инока Вассиана Патрикеева.

Как бы то ни было, новейшие исследования позволяют утверждать, что Книжник Икс, перу которого принадлежит Музейный список «Хожения за три моря», был кирилловским иноком, и в этом О. Л. Новикова совершенно права. К сожалению, А. П. Богданов не использовал сделанные ранее наблюдения о принадлежности автора Музейного списка к братии Кирилло-Белозерского монастыря, в результате чего пришел к умозрительному выводу («разумно предположить...» — с. 45) о Троице-Сергиевском происхождении оригинала Музейного списка. Сложная история происхождения сохранившихся списков «Хожения за три моря» и их утраченных протографов в результате «спрямляется» исследователем до простейшей ошибочной схемы: автограф, принятый «гостями» (купцами), был передан дьяку Василию Мамыреву, который «сделал все возможное для сохранения бесценного текста в двух местах: в летописи и в библиотеке Троице-Сергиева монастыря» (с. 52).

Подготовленное А. П. Богдановым издание не может быть признано удовлетворяющим строгим академическим требованиям. Автор не ознакомился с новейшей литературой вопроса, как, впрочем, и с классическим вторым изданием «Хожения за три моря» в серии «Литературные памятники» (1958).

В вопросе о хронологии путешествия Афанасия Никитина А. П. Богданов пытается совместить традиционную датировку (1466–1472) и датировку Л. С. Семенова (1468–1474). То исследователь пишет как о твердо установленном факте, что в 1467 году «Афанасий Никитин уже был далеко на востоке» (с. 55), то указывает обе предлагавшиеся ранее даты начала странствия — 1466 и 1468 годы (с. 54, 63), но возвращение путешественника на Русь А. П. Богданов датирует только по «новой хронологии» Л. С. Семенова и относит его к 1474 году (с. 61, 69, 78, 83). В результате хронологические рамки странствия Афанасия становятся под пером исследователя совершенно неопределенными и размытыми.

* * *

Вопрос о датировке путешествия Афанасия Никитина является весьма существенным, и на

нем следует остановиться подробнее. Когда рукопись с автографом «Хожения» была обретаена вскоре после смерти автора, анонимный летописец (составитель свода, отразившегося в Львовской и Софийской второй летописи), к которому в руки попали записи купца и который вставил данное произведение в летописную статью под 6983/1475 годом, попытался определить точные даты путешествия. Он сумел выяснить только, что Василий Папин, с которым Афанасий собирался проделать начальную часть своего пути по Волге и Каспийскому морю, «ходил с кречаты послом от великого князя, и сказаша ми — за год до казанского похода пришел из Орды. Коли князь Юрьи под Казанию был, тогда его (Василия Папина. — А. Б.) под Казанью застрелили». Из этого сообщения следует, что летописцу не удалось точно установить, когда именно Афанасий Никитин отправился в путешествие, а Василий Папин — в свое посольство: «Се же написано не обретох, в кое лѣто пошел или в кое лѣто пришел из Ындѣя, умер, а сказывают, что, деи, Смоленска не дошед, умерь. А писание то своею рукою написал, иже его руки тѣ тетраги привезли гости к Мамыреву Василию, к дьяку к великого князя на Москву». Согласно утверждению составителя, внесшего «Хожение за три моря» в летописный текст, он получил его в 6983/1475 году, т. е. записи Афанасия попали в его руки между 1 сентября 1474 года и 31 августа 1475 года («Того же [6983] году обретох написание Офонаса тверитина купца, что был в Ындѣе 4 годы»). ⁵⁰

Летописец сумел узнать только время возвращения Василия Папина из посольства — «за год до казанского похода». Вопрос о том, в каком году Папин вернулся из Орды, был затронут уже первооткрывателем «Хожения» Н. М. Карамзиным, который датировал это событие предположительно 1468 годом, поскольку князь Юрий Васильевич был под Казанью в августе–сентябре 1469 года. Остается неизвестным, как долго Василий Папин находился в своем посольстве, поэтому начало путешествия Афанасия Никитина исследователи обычно относят ко времени до 1468 года.

Сам путешественник размечал время своего путешествия по Пасхам. По его словам, он встречал Воскресение Христа в следующих городах: «Первый же Велик день взял есми в Каинѣ. А другой Велик день въ Чебокару в Маздраньской земль, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Ведерѣ. <...> Велик день взял в Кельбери <...> В Мошкате же шестой Велик день взял». ⁵¹ Таким образом, Афанасий Никитин шесть раз отметил Пасху за время своего путешествия.

Обращает на себя внимание замечание Афанасия о праздновании первой Пасхи после начала «Хожения» в некоем городе «Каинѣ»:

⁴⁹ Новикова О. Л. Из истории русской книжности рубежа XV–XVI столетий. С. 8–9.

⁵⁰ Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 5.

⁵¹ Там же. С. 13, 16.

«Первыи же Великъ день взял есми в Каинѣ» (Летописный и Троицкий изводы). Поздний Сухановский извод сохранил иное чтение: «Первыи бо Великъ день взялъ есмь в Клинѣ». ⁵² По мнению И. И. Срезневского, поездка тверского купца в Индию датируется 1466–1472 годами, ⁵³ а первую Пасху он встречал в городе Каин или Клин. Если это русский город Клин, то 29 марта 1467 года Афанасий Никитин был еще на Руси, «и уже разве в апреле или позже отправился из Твери вниз по Волге», но все же исследователь приходит к выводу, что этот «город не русский, а какой-нибудь при-Каспийский». ⁵⁴ По И. И. Срезневскому, получается, что путешественник отмечал Пасху в следующие даты:

1467 год, 29 марта. «Каин» на южном берегу Каспийского моря / Город Клин на Руси.

1468 год, 7 апреля. Чебокар на южном берегу Каспийского моря.

1469 год, 2 апреля. Гурмыз (Ормуз), на берегу Персидского залива.

1470 год, 22 апреля. Бидар в Индии.

1471 год, 14 апреля. Гулбарга в Индии.

1472 год, 29 марта. Маскат, на берегу Оманского залива.

Согласно этой хронологии, Афанасий доехал до Кафы за 9 дней до Филиппова поста, т. е. 5 ноября 1472 года. Соответственно, до окрестностей Смоленска, конечной точки странствия, он мог добраться в самом конце 1472 года или в 1473 году.

И. И. Срезневский, отказавшись от идеи, что свою первую Пасху Афанасий встретил в Клину, вынужден был отнести начало путешествия к 1466 году, поскольку, чтобы добраться до южного берега Каспийского моря весной 1467 года, Афанасий должен был начать свое странствие годом раньше, в навигацию 1466 года. Остальные даты празднования Афанасием Воскресения Христа исследователь определил верно.

В 1978 году вышла статья Л. С. Семенова, который обосновал новую датировку путешествия. Исследователь пришел к выводу, что поездка Афанасия Никитина состоялась в 1468–1474 годах. ⁵⁵ Точка зрения Л. С. Семенова, за-

крепившаяся в историографии, ⁵⁶ была основана, главным образом, на интерпретации фразы «Мѣсяца маиа 1 день Велик день взял есми в Бедере в бесерменском в Гундустанѣ, а бесермена баграм взяли в среду мѣсяца». ⁵⁷ По мнению исследователя, «среда» здесь — это не день недели, а указание на середину месяца мая, а «бесермена баграм взяли» — это указание на праздник курбан-байрам 19 мая 1472 года (в этом году он праздновался ближе всего к середине мая). В таком случае Афанасий отмечал свою четвертую Пасху в Бидаре не в 1470-м, как считалось ранее, а в 1472 году. Следовательно, заключает Л. С. Семенов, «Никитин находился в Индии в 1471–1474 гг. и из Твери должен был выехать в 1468 г.». ⁵⁸

Новая гипотеза, заключающаяся в том, что путешествие должно было начаться в 1467 году, впервые была обоснована С. В. Городиленным в статье 2022 года. ⁵⁹ Исследователь обратил внимание на фрагмент текста разрядных книг под 1500 годом, содержащий данные о воеводах некоей великокняжеской рати «на Костроме». В результате детального и изыщного анализа С. В. Городилин пришел к выводу о датировке описанных событий 1467 годом, а также установил личность старшего из названных в нем воевод. Им оказался князь Александр Федорович, потерявший свое Ярославское княжение в 1463 году. Установив, что бывший Ярославский князь Александр Федорович в 1467 году являлся великокняжеским наместником в Костроме, С. В. Городилин убедительно отожествил его с упомянутым в «Хожении за три моря» князем Александром, к которому приехал Афанасий Никитин «с ыною грамотою». Посещение путешественником Костромы исследователь также датировал 1467 годом, поскольку уже с осени этого года разгорелась московско-казанская война и проезд вниз по Волге перестал быть для путешественников безопасным и практически возможным: вряд ли «беспрепятственно пропустили бы мимо Казани <...> идущих вместе с Хасанбеком тверских и московских купцов». С. В. Городилин также показал, что Василий Папин не мог отправиться в Ширван в 1468 году, так как известно, что посол вернулся в Москву за год до казанского похода 1469 года (т. е. в том же 1468 году), а проделать такой путь туда и обратно за одну навигацию физически невозможно. ⁶⁰ В связи с выводом о невозможности начала

⁵² Там же. С. 38. Написания «а» и «л» в полууставных почерках XV–XVI веков очень близки, их легко спутать, поэтому из чтения «Клин» вполне могло получиться «Каин» (такого города в действительности не существует).

⁵³ [Срезневский И. И.]. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. // Ученые записки Второго отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1856. Кн. 2. Вып. 2. С. 225–307 (отд. оттиск: СПб., 1857).

⁵⁴ [Срезневский И. И.]. Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466–1472 гг. СПб., 1857. С. 36–38.

⁵⁵ Семенов Л. С. К датировке путешествия Афанасия Никитина // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 9. С. 134–178.

⁵⁶ См.: Лурье Я. С. Афанасий Никитин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. С. 81–82.

⁵⁷ Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 12.

⁵⁸ Семенов Л. С. К датировке путешествия Афанасия Никитина. С. 140.

⁵⁹ Городилин С. В. Царевич Касым, князь Александр Федорович и Афанасий Никитин // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 2022. Вып. 14. С. 164–169.

⁶⁰ Там же. С. 167–168.

путешествия в 1468 году, С. В. Городилин предположил, что Афанасий Никитин стартовал из Твери в мае 1467 года.⁶¹

Эта датировка, сдвинутая на год вперед по сравнению с гипотезой И. И. Срезневского и на год назад по сравнению с гипотезой Л. С. Семенова, кажется весьма убедительной, но нуждается в некоторых уточнениях.

Установление того факта, что Афанасий посетил в Костроме бывшего ярославского князя, приводит к вопросу об «ыной грамоте», которую он предъявил великокняжескому наместнику. Чтения Троицкого и Сухановского изводов «Хожения» позволяют думать, что в архетипном тексте сочинения имелась формулировка «Князь великий всея Руси»: «...ко князю Александру с ыною грамотою, и князь великии отпустил мя всея Руси доброволно» (Троицкий извод); «...ко князю Александру с ыною грамотою, и князь великии всеа Росии отпустил мя доброволно» (Сухановский извод). Ошибочность этих вариантов очевидна — Александр не был великим князем, тем более «всея Руси». В Летописном изводе чтение «всея Руси» пропущено, но упоминание «великого князя» отнесено к «ыной грамоте», с которой Афанасий прибыл в Кострому. Можно реконструировать первоначальный вид анализируемой фразы, лучше сохранившейся, за исключением пропуска, в Летописном изводе: «...ко князю Александру с ыною грамотою великого князя [всея Руси], и отпустил мя доброволно». В таком случае становится понятным, что, покинув пределы Тверского княжества, путешественник воспользовался грамотой, полученной от великого князя Ивана III, поскольку он должен был проезжать по территории, недавно присоединенной к Московскому княжеству.

Очевидно, что город Клин/Каин следует искать не к югу от Каспия, как традиционно полагали почти все следующие за И. И. Срезневским комментаторы, а в самом начале маршрута, ведь следующую, вторую Пасху Афанасий отмечал в «Чебокаре» (Чапакуре) — городе на южном берегу Каспийского моря. Ранее высказывалось предположение, что «Каин» — это искаженное «Калязин»,⁶² однако более вероятным представляется именно чтение «Клин», зафиксированное Сухановским изводом. Этот древнерусский город находится на дороге из Москвы в Тверь, в XV веке он являлся южным пограничным укреплением Тверского княжества. Можно полагать, что Афанасий Никитин выехал из Москвы и на пути в Тверь праздновал здесь первую Пасху после начала своего «хожения».⁶³ Не случайно в первых же словах

Сухановской редакции «Хожения за три моря» прямо указано на московскую «отправную точку» путешествия Афанасия Никитина: «...нѣкто именем Афонасей Никитин сынъ тверитинъ ходил с послы от великаго князя Московскаго Ивана, и от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго, и от владыкы Тверскаго Генадия за море».⁶⁴

Если Афанасий Никитин выезжал из Москвы и если у него была грамота великого князя всея Руси Ивана Васильевича, то понятным и оправданным становится присутствие среди «товарищей» путешественника шести москвичей и шести тверичей («в другом судне 6 москвич, да шесть тверич, да коровы, да кормь наша»)⁶⁵.

Опираясь на текст «Хожения», мы можем предполагать в первую очередь тверских кураторов путешествия Афанасия, упомянутых автором в самом начале повествования, однако великий князь Тверской Михаил Борисович в 1467 году был 14-летним подростком, и едва ли от него самого могла исходить инициатива или поддержка путешествия Афанасия Никитина. Но у него была старшая сестра Мария Борисовна, жена Ивана III, и вполне естественно, что она могла быть посредником между великими князьями Москвы и Твери и что путешествие Афанасия могло находиться в сфере совместных интересов двух союзных на тот момент княжеств. По злой иронии судьбы княгиня скончалась 25 апреля 1467 года «от смертнаго зелия» в 25-летнем возрасте, вскоре после того, как началось «хожение» Афанасия Никитина.⁶⁶

В статье, подготовленной для журнала «Словъне», А. М. Введенский показал, что предложенная Л. С. Семеновым трактовка и датиров-

⁶⁴ Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 32. Здесь и далее курсив мой. — А. Б.

⁶⁵ Там же. С. 6, 19, 32. На это обстоятельство обратил мое внимание в личной беседе С. В. Городилин; оно было отмечено еще А. А. Зиминим: «Хорошо задуманная Никитиным восточная экспедиция — в ней участвовало несколько десятков русских торговых людей, в том числе тверичей и москвичей, на нескольких судах — была не местным предприятием, а общерусским делом. Поездку Никитина санкционировал не только великий князь Тверской Михаил Борисович и другие тверские власти, но и московский великий князь Иван III» (Зимин А. А. [Рец. на:] «Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг.» Под редакцией акад. Б. Д. Грекова и чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1948 // Вопросы истории. 1949. № 7. С. 141–142).

⁶⁶ Полн. собр. русских летописей. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 160. Летописец убедился в отравлении княгини, поскольку ее тело разбухло: «...покров на неи положиша, ино много свисло его, потом же то тѣло разошлось, ино тот покров много не достал на тѣло» (Там же. Стб. 160–161).

⁶¹ Там же. С. 169.

⁶² Кудрявцев М. К. [Рец. на:] Л. С. Семенов. Путешествие Афанасия Никитина // Вопросы истории. 1982. № 6. С. 141–142.

⁶³ См.: Бобров А. Г. Спорные вопросы изучения «Хожения за три моря» Афанасия Никитина // Летняя школа по русской литературе. 2022. Т. 18. № 2. С. 129–130.

ка сообщения Афанасия Никитина о праздновании Пасхи в Бедере далеко не бесспорна.⁶⁷ После слов о том, что он отметил свою четвертую Пасху, Афанасий сообщает: «Уже проидоша 4 Великая говѣина и 4 проидоша Великыи дни, аз же грѣшныи не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю — а книг у меня нѣту. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня».⁶⁸ Афанасий не знал ни точного, ни приблизительного дня Пасхи, что подтверждается и сообщаемой им майской датой, на которую праздник Воскресения Христа по юлианскому календарю в принципе приходится не может (самая поздняя возможная дата — 25 апреля). На взгляд А. М. Введенского, очевидно, что, если Афанасий Никитин «не мог определить правильно день Пасхи, дни недели и время поста, он также не мог узнать и любую другую дату по христианскому календарю». Исследователь сделал важное наблюдение: «На протяжении всей первой части своего путешествия Афанасий Никитин фиксировал события, соотнося их с церковным календарем. <...> Свое возвращение в Бедер после посещения Первати Афанасий описывает уже с привязкой к мусульманскому календарю: „От Первати же приѣхал есми в Бедерь за пятнадцать день до бесерменьскаго улу багря“, тут же поясняя, что возможности соотносить ключевые даты своего путешествия с христианским календарем у него больше нет». Афанасий смог вновь указывать точные даты юлианского календаря только в конце своего путешествия, добравшись до Трапезунда (Трабзона). Но если Афанасий Никитин, — рассуждает А. М. Введенский, — не мог использовать юлианский календарь, то «считать, что он правильно соотнес время мусульманского праздника с серединой мая по христианскому календарю, как это предлагает Л. С. Семенов, нет никаких оснований», и его «идея о том, что свою четвертую Пасху Афанасий встретил в Бедере именно в 1472 г., не может быть принята».

Далее, анализируя хронологические указания путешественника, относящиеся к периоду его жизни в Бедере, А. М. Введенский обратил внимание на два фрагмента: «От Первати приехал есми в Бедерь за пятнадцать день до бесерменьскаго улу багря <...> Великѣ день бывает християнскыи первие бесерменьскаго баграма за девять дни или за десять дни».⁶⁹ И второе свидетельство: «Меликтучарь при-

шелъ съ ратию своею к Бедерю на курбантъ багрям, а по-русскому на Петровѣ день»⁷⁰ (курсив А. М. Введенского). По мнению исследователя, Афанасий Никитин не только называет байрамы по-разному, но различает их по времени относительно христианского календаря. «Улу багря», или просто «баграм» — это праздник ураза-байрам, который отмечался за 70 дней до курбан-байрама, он близок по времени к Пасхе (апрель), а праздник курбан-байрам отмечался в конце июня (близко к Петрову дню 29 июня). А. М. Введенский показал, что в 1470 году, опираясь на свои воспоминания о минувших соотношениях между праздниками, Афанасий Никитин лишь немного ошибся. В 1469 году разница между ураза-байрамом и Пасхой составляла не 9–10 дней, а 12, но в другие годы она была заметно больше. Разница между курбан-байрамом и Петровым днем в 1469 году составляла 8 дней, а до того в 1468 году — всего 2 дня (при том что мусульманский праздник продолжался несколько дней).

Итак, хронологические указания Афанасия Никитина были сделаны по памяти в 1470 году и отражают соотношение мусульманских и христианских праздников в предшествующий период. Если четвертую Пасху после начала путешествия Афанасий Никитин отметил в Бидаре в 1470 году, то первую Пасху и начало его странствия следует относить к 1467 году.

Таким образом, новейшие исследования «Хожения за три моря» позволяют пересмотреть хронологию путешествия Афанасия Никитина. Выехав из Москвы ранней весной 1467 года, Афанасий Никитин вернулся на Русь и скончался в окрестностях Смоленска в начале 1473 года. Один из старших списков «Хожения за три моря» (Музейный) имеет Кирилло-Белозерское происхождение и принадлежит перу Книжника Икс (вероятно, Вассиана Патрикеева), ученика Ефросина Белозерского. «Хождение» Афанасия Никитина было, скорее всего, не частной инициативой, а проектом, поддержанным московскими и тверскими властями. Включение «Хожения за три моря» в состав летописного свода 1480-х годов, предположительно связанного с митрополитом Геронтием, косвенно подтверждает не «мирские», а церковные интересы путешественника. Целью его странствия, скорее всего, являлись индийские специи («зелья»), необходимые для сотворения священного мира, «вещества таинств», используемого при крещении.⁷¹

Исследованиями последних лет были намечены перспективы дальнейшего изучения и подготовки нового (четвертого) издания «Хожения за три моря» в серии «Литературные памятники». Наряду с публикацией всех трех редакций сочинения Афанасия Никитина, представляется необходимой подготовка обобщенной в каждом конкретном чтении реконструкции архетипного текста произведения,

⁶⁷ Введенский А. М. Датировка путешествия Афанасия Никитина за три моря: новый взгляд // Slověne = Словѣне. 2023. Т. 11. № 2. С. 129–139. Сердечно благодарю А. М. Введенского за предоставление новейших, на момент написания статьи еще не опубликованных материалов.

⁶⁸ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 12–13.

⁶⁹ Там же. С. 10.

⁷⁰ Там же. С. 14.

⁷¹ Бобров А. Г. Ефросин Белозерский в поисках Рая. С. 121–141.

а также основанного на ней нового перевода на современный русский язык. Потребуется также написание уточненных историко-географических и текстологических комментариев и статей, посвященных хронологу «Хожения за три

моря» Афанасия Никитина, его изучению и восприятию в Новое и Новейшее время, происхождению и бытованию его списков в древнерусской рукописной традиции. Фундамент для такой работы уже существует.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-2-254-257

© П. Е. Бухаркин

ГАРМОНИЯ СВОБОДНЫХ СМЫСЛОВ*

Начну с личного воспоминания: много лет назад, вручая мне только что вышедшую бело-голубую книгу «Пушкин и Лермонтов в истории русской литературы», Владимир Маркович сказал, что ему хотелось бы видеть свои работы о Пушкине, объединенные под одной обложкой. В той, давней, 1997 года, книжке замысел этот был осуществлен не вполне. Во-первых, в нее не вошли его ранние, первой половины 1960-х годов, исследования о «Евгении Онегине»; Владимир Маркович тогда же объяснил свое решение тем, что они написаны в иной манере и стилистически будут отличаться от других разделов. А во-вторых, в сборнике 1997 года Пушкин соседствовал с Лермонтовым; подобное соседство в какой-то степени переориентировало внимание читателя с самого Пушкина на литературное движение, на переход от Пушкина к Лермонтову. И вот теперь, через семь лет после кончины ученого, выходит книга, уже в полной мере соответствующая сказанному Владимиром Марковичем более чем четверть века назад: в ней объединены все его работы, так или иначе связанные с Пушкиным. Выходит она в свет прежде всего благодаря благородным трудам Е. Н. Григорьевой, которая, являя пример действительной преданности памяти своего учителя, до этого подготовила к изданию курс лекций В. М. Марковича по истории русской литературы первой трети XIX века («Русская литература Золотого века», СПб.: Росток, 2019. 748 с.) и его тургеневские штудии («О Тургеневе. Работы разных лет», СПб.: Росток, 2018. 542 с.). К последнему изданию книга о Пушкине особенно близка, даже их заглавия совершенно однотипны.

Книга 2023 года (как и тургеневский том) имеет подзаголовок: работы разных лет. В нее, действительно, вошли статьи, написанные в течение очень длительного времени: первая («Из наблюдений над композицией „Евгения Онегина“») датируется 1963 годом, а самые поздние («Трансформация пушкинского мифа о поэте и поэзии в лирике поэтов ленинградского андеграунда» и «Реанимация петербургского

текста в поэзии ленинградского андеграунда (середина 1950-х — конец 1980-х годов)») — 2005 годом. Сорок два года пролегли между ними, что само по себе — большое время. А учитывая перемены, произошедшие за эти четыре десятилетия, время это становится еще большим. Между прочим, и с 2005 года, когда были написаны последние статьи тома, русская культура прошла огромный по внутренней значимости путь; многое в ней сейчас требует критического пересмотра, критического в том смысле, какой вкладывал в излюбленное им слово «Kritik» И. Кант.

В связи с этим и возникает главный вопрос, который встает перед читателем пушкинской книги В. М. Марковича: а что дает она нам ныне, чем интересна и чем нас обогащает? Именно об этом я и попытаюсь сказать, именно это и представляется мне важным в первенствующей степени. Все же сегодня было бы немного странно полемизировать с теми или другими идеями ее автора, которые, между прочим, давно стали достоянием литературоведческого сознания в целом (хотя, замечу в скобках, некоторые построения и характеристики Владимира Марковича вызывают у меня определенные возражения). Но вот попытаться представить себе вклад В. М. Марковича в пушкинистику, увидеть, каким выглядит в наших глазах его исследовательский облик в своем развитии, насколько он целен и в какой степени менялся со временем, была ли в его пушкинистике некая магистральная идея? — вот на эти вопросы хотелось бы дать, пусть и самые приблизительные и краткие, ответы. Этого, между прочим, как бы требует творчество самого Марковича — он много и проникновенно писал об ученых — и об относительно далеких предшественниках (А. Н. Веселовском и Г. А. Гуковском), и о старших своих коллегах — Г. П. Макогоненко и Г. А. Бялом, и о своих современниках — В. Э. Вацуро или, скажем, В. Шмиде.¹ Теперь пришла очередь взглянуть в него самого.

* Маркович В. М. О Пушкине. Работы разных лет. СПб.: Росток, 2023. 351 с.

¹ Большинство работ В. М. Марковича такого рода вошли в его книгу: *Маркович В. М. Мифы и биографии. Из истории критики и литературоведения в России.* СПб., 2007.